

К происхождению древнерусского фразеологизма *ятися на воду*

В.И. КОВАЛЬ

Статья посвящена рассмотрению внутренней формы немотивированного устойчивого словосочетания *ятися на воду*, употребленного в одной из новгородских берестяных грамот, обнаруженной при раскопках в Великом Новгороде. Комментируется суть конфликтной ситуации и способ разрешения спора. Наряду с анализом собственно языкового материала приводятся сведения из сферы традиционной духовной культуры, имеющие отношение к «водяной» магии.

Ключевые слова: фразеологизм, *ятися на воду*, происхождение, новгородские берестяные грамоты, ритуальная практика, «водяная» магия.

The article is devoted to consideration of the inner form of the idiomatic set phrase «*yatisya na vodu*» used in one of the birch bark manuscripts, discovered during excavations in Veliky Novgorod. The author gives comments on the essence of the conflict situation and the method of resolving the dispute. Along with the analysis of the actual linguistic material, information is given from the sphere of traditional spiritual culture that is related to «water» magic.

Keywords: idioms, *yatisya na vodu*, origin, birch bark manuscripts from Novgorod, ritual practices, «water» magic.

Обращение к фразеологическому составу древнерусского языка позволяет не только выявить утраченные элементы некогда целостной архаичной картины мира, но и в определенной мере «реконструировать» характер внутренней формы ранее мотивированных, «живых» словосочетаний. Характерную особенность фразеологических единиц, заключающуюся в их способности «консервировать» различные фрагменты традиционной мировоззрения, отмечал Б.А. Ларин, подчеркивавший, что благодаря фразеологии «до наших дней доходят нередко только более или менее загадочные фрагменты древних речевых стереотипов» [1, с. 143]. Одним из важных и надежных источников изучения древнерусской фразеологии являются тексты (фрагменты текстов) новгородских берестяных грамот, которые «ценны прежде всего как документы древнейшего этапа письменной истории русского языка», поскольку они «обычно непосредственно отражают живой язык их составителей» [2, с. 218]. Цель данной работы заключается в установлении внутренней формы фразеологизма *ятися на воду*, использованного жителем древнего Новгорода в берестяной грамоте периода конца XI – начала XII вв.

Речь идет о грамоте № 238, имеющей условное название «Об испытании водой» и представляющей собой финальную часть письма-послания, завершающегося предложением о проведении ритуала, имеющего целью установить истину. Древнерусский текст, разделенный на отдельные слова, и его перевод на современный русский язык представлены на портале «Рукописные памятники Древней Руси. Древнерусские берестяные грамоты» в следующем виде:

несъдичеви поль патѣ рѣза[нѣ : а] (мъ)нѣ еси въдале двѣ коунѣ цѣто же за м[гь](но)[ю] твориши [за] мною осмь коунѣ и гривна поиди же въ горо(дѣ) [мо]гоу са съ тобою ати на воду. Перевод: [Ты дал (?)] Несдичу четыре с половиной резаны, а [мне] ты дал две куны. Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна? Пойди же в город – могу вызваться с тобой на испытание водой [3].

Приведенный весьма лаконичный, но информационно насыщенный текст и синтаксически, и логически разделяется на три фрагмента. В первом предложении содержится информация, которая, по мнению автора берестяной грамоты (условно говоря, истица), соответствует реальному положению дел. Из содержания высказывания следует, что некто, к кому обращается истец, дал (вероятно, в долг) определенную денежную сумму двум лицам: некоему Несдичу – четыре с половиной резаны, а автору-истцу – две куны. Следующее (второе) предложение (Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна?) представляет собой обращенный к «ответчику» вопрос, ставящий под сомнение такое его утверждение.

Для того чтобы понять причину несогласия истца с позицией ответчика, в данном случае важно учитывать реальную ценность древнерусских денежно-счетных единиц, обозначенных в рассматриваемом тексте нумизматическими терминами *гривна*, *куна* и *резана*. Новгородская гривна XI в., представлявшая собой длинную серебряную палочку весом около двухсот грамм, соответствовала 25-и кунам и 50-ти резанам, т. е. одна куня равнялась двум резанам [4, с. 15], [5, с. 60], [6, с. 34–35]. Основанные на этих данных несложные расчеты показывают, что четыре с половиной резаны, полученные от ответчика Несдичем, эквивалентны 2,25 куны, в то время как сам автор-«заявитель» получил, по его собственному утверждению, даже меньше – лишь две куны. Несложно в связи с этим представить возмущение истца, которому стало известно, что ответчик по неизвестной причине требует от него вернуть долг, более чем в 16 раз превосходящий реально полученную им сумму – восемь кун и гривну (1 гривна эквивалентна 25 кунам), т. е. 33 куны.

Наиболее загадочным, несомненно, является третий фрагмент анализируемого текста (*Пойди же в город – могу вызваться с тобой на испытание водой*), представляющий собой сложное бессоюзное предложение, вторая часть которого содержит обоснование того, о чем говорится в первой предикативной части. Авторы справочника «Новгородские грамоты на бересте» (М.: Изд-во АН СССР, 1963), поясняя конструкцию *пойди же в город*, считают, что слово *город* используется здесь для обозначения конкретного населенного пункта: «Городом назван, очевидно, Новгород» [4, с. 60]. По мнению историка-медиевиста Л.В. Черепнина, слово *город* в данном случае употребляется в значении ‘суд’: «Должник предлагает кредитору отправиться в город (очевидно, в суд), где и решить свой спор, прибегнув к испытанию водой» [8, с. 91]. Можно также предположить, что в рассматриваемом контексте словосочетание *пойти в город* употреблено в значении ‘пойти к горожанам (к людям, живущим в городе)’, что предполагает употребление слова *город* в переносном (метонимическом) значении ‘жители города’. Сравн.: *городъ* ‘население города’. *И про отца духовнаго Федька сказаль, что отецъ его духовный воръ, а городъ весь ему недруги; И придоша на него весь городъ царствующаго града, и предаша его смерти* [7, с. 91]. Истец, таким образом, будучи абсолютно уверенным в своей правоте и стремясь уличить ответчика в попытке оговора, предлагает ему для решения спорной ситуации обратиться к людям, то есть привлечь к разрешению спора свидетелей-горожан и пройти публичное испытание водой, иными словами, выражаясь современным языком, сдать «тест на правду». Такая «внутренняя логика» рассматриваемого фрагмента представляется вполне оправданной, поскольку подобный демократичный подход к решению спорной ситуации в полной мере соответствует демократичным традициям новгородской вечевой «республики».

Однако поскольку в этом (как и в других тяжбах) каждая из сторон стремится отстаивать свою точку зрения, истец решается на крайнюю меру, суть которой заключена в выражении [мо]гоу са съ тобою ати на водоу, переведенном составителями интернет-портала «Рукописные памятники Древней Руси. Древнерусские берестяные грамоты» как *могу вызваться с тобой на испытание водой*. В справочнике «Новгородские грамоты на бересте» представлена версия, согласно которой автор данного текста имеет в виду речное путешествие, то есть прогулку на воде: «Нет оснований предполагать здесь судебное испытание водой. Речь идет о речном путешествии. В этом смысле выражение «на воду» употребляется и теперь» [4, с. 60]. Высказанная точка зрения представляется малоубедительной прежде всего из-за отсутствия какой-либо причины для приглашения к приятному времяпрепровождению – «речному путешествию» – ответчика, стремящегося представить автора новгородской берестяной грамоты № 238 как бесчестного человека, уклоняющегося от уплаты долга. Вполне понятно, что для торговцев и ремесленников (как и для каждого человека вообще) такие качества, как порядочность, имидж, деловая репутация являются весьма значимыми.

Соответствием для древнерусского устойчивого словосочетания *ятися (ся яти) на воду* (с кем-либо) может быть современное выражение *состязаться на воде* (с кем-либо). Сравн.: *ятися* ‘схватиться (в борьбе)’. *Володимеръ же приде въ товары, посла биричи по товаромъ, глаголя: нету ли такого мужа, иже бы ся яль с Печенежиномъ; Вскочиша два окаянная и ятася с нимъ, и князь поверже одного подь ся* [9, ст. 1671]; *ятся* с кем ‘схватиться борьбой, дракой’. *Где тебе ятся с ним, задора!* [10, с. 682].

Для того, чтобы ответить на вопрос о сущности состязания (схватки) на воде в древнем Новгороде, важно понять, почему вообще в подобных случаях люди обращались к воде. В традиционных славянских верованиях вода осмысливается как одна из первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения. С одной стороны, вода считалась средой обитания нечистой силы и душ умерших, а с другой – она наделялась апотропейной и продуцирующей семантикой, что позволяло широко использовать воду в ритуальных целях – в лечебной магии и в девичьих любовных гаданиях (подблюдные песни, пускание на воду венков, цветов и веток и др.) [11, с. 386–389]. Практика гаданий на воде – гидромантия – в полной мере отражает отношение к воде как к стихии, имеющей предсказывающую силу, что иллюстрируется фразеологизмом *как в воду глядел* ‘о человеке, предвидевшем, точно предсказавшем что-либо’: «Всматриваясь в отражение в озере, в реке, в сосуде с водой и произнося различные заклинания, знахари и колдуны по состоянию поверхности воды предсказывали будущее, чью-либо судьбу» [12, с. 105].

Рассматриваемый оборот может быть соотнесен с фразеологизмом *вывести на чистую воду*, ‘разоблачить кого-либо; поймать кого-либо на совершении чего-либо запретного’, происхождение которого связывается с известным многим народам жестоким обычаем «Божьего суда»: «Обвиняемого или подозреваемого бросали в реку, и если он всплывал, то считался виновным, если тонул – несправедливо обвиненным. Обычай, в свою очередь, основывается на древнем представлении о воде как чистой стихии» [Там же]. В.В. Мамотов следующим образом поясняет мотивы поведения человека, предлагающего «схватку на воде» своему сопернику: «При испытании «водой» невиновный человек свято верил в то, что Бог в сложившейся ситуации его не оставит, поэтому без всяких сомнений отдавал себя в Божьи руки, не сопротивляясь, ждал своей судьбы. Преступник же, находясь на грани психологического срыва, изо всех сил пытался не утонуть, остаться на поверхности воды. Но именно это и служило доказательством вины, так как считалось, что вода не принимает (в силу своей священности) только преступников и лжецов, нарушивших клятву» [13, с. 368]. Сравн. описание ритуального испытания водой в художественном тексте: *Человек был схвачен и подвергнут испытанию водой. Брошенный в озеро связанным, стал он тонуть, и все уж было подумали, что испытываемый, как и утверждал, невиновен, но через мгновение он показался над озерной рябью и плавал себе как ни в чем не бывало. Он кричал, что на поверхности его держит алкоголь, который легче воды, но все понимали, что держит его нечистая сила. И когда его вина явилась всем, он был подвергнут испытанию каленым железом, какового также не выдержал, потому что по характеру ожогов стало очевидно, что он лжет* (Е. Водолазкин. Лавр).

Применение испытания водой как способа решения спорных ситуаций предусматривалось в сборнике правовых норм Киевской Руси – «Русской правде». Согласно «Пространной редакции Русской правды» (по Троицкому списку второй половины XV в., ответчика, обвиняемого в убийстве без свидетелей, подвергали испытанию раскаленным железом. Такому же испытанию подвергался и обвинитель, если сумма иска составляла до полугривны золотом; если же сумма иска была меньшей (до двух гривен серебра), то обвинителя подвергали испытанию водой [14, с. 173]. Как видим, описанная в рассматриваемой новгородской грамоте ситуация в полной мере соответствует предусмотренной в «Русской правде» формулировке – об исках до двух гривен серебра, что указывает на осведомленность истца относительно существовавшей в то время судебной практики.

Таким образом, в основу внутренней формы древнерусского фразеологизма *ятися на воду* (*ся яти на воду*) с кем-либо ‘прибегнуть к публичному ритуальному испытанию водой’ положено представление о распространенном ранее судебном способе определения истины. Сказанное дает основание утверждать, что именно такой способ решения спорной ситуации был предложен истцом – автором новгородской берестяной грамоты № 238.

Литература

1. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б.А. Ларин // История русского языка и общее языкознание (Избран. работы). – М. : Просвещение, 1977. – С. 125–149.

2. Зализняк, А.А. Значение берестяных грамот для истории русского языка / А.А. Зализняк // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Под общ. ред. акад. В.Л. Янина. – М. : Индрик, 2003. – С. 218–223.
3. Рукописные памятники Древней Руси. Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gramoty.ru/birchbark/document/novgorod>. – Дата доступа : 19.01.2019.
4. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Электронный ресурс] / Н.М. Карамзин. – Т. 2. От Великого князя Святополка до Великого князя Мстислава Изяславовича. – Режим доступа : <http://iknigi.net/avtor-nikolay-karamzin/61327-istoriya-gosudarstva-rossiyskogo-tom-2-nikolay-karamzin.html>. – Дата доступа : 03.02.2019.
5. Арциховский, А.В. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956–1957 гг.) / А.В. Арциховский, В.И. Борковский. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 327 с.
6. Зварич, В.В. Нумизматический словарь / В.В. Зварич. – Львов : Вища школа, 1979. – 338 с.
7. Словарь русского языка 11–17 вв. – М. : Наука, 1977. – Вып. 4 (Г–Д). – 403 с.
8. Черепнин, Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник / Л.В. Черепнин. – М. : Наука, 1969. – 440 с.
9. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И.И. Срезневского. – СПб. : Типогр. Имп. Академии наук, 1912. – Том третий. – 1684 ст.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М. : Рус. язык, 1980. – 683 с.
11. Виноградова, Л.Н. Вода / Л.Н. Виноградова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995. – Т. 1. – С. 386–390.
12. Бирих, А.К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова ; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
13. Момотов, В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. / В.В. Момотов. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2003. – 416 с.
14. Амплиева, Т.Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси : монография / Т.Ю. Амплиева. – М. : Юридич. ин-т МИИТа, 2005. – 228 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 02.05.2019